

А.П. Казаркин

ПРОЕКТ ИЗДАНИЯ «ИЗБРАННОГО» Г.Н. ПОТАНИНА В ПЯТИ ТОМАХ

В статье представляется проспект «Избранных сочинений» сибиреведа-классика Г.Н. Потанина в пяти томах, готовящихся в настоящее время к печати. На конкретном материале поднимаются общие вопросы об отборе произведений в состав такого типа издания, как «Избранное», а также о принципах научного комментирования текстов.

Ключевые слова: издание, «Избранные сочинения», Г.Н. Потанин.

В последние десятилетия XX в. не раз затрагивался вопрос о переиздании основных работ Григория Николаевича Потанина. Здесь сложилась парадоксальная ситуация: издана его переписка, извлечено из архива и опубликовано раздутое «Дело об отделении Сибири от Российского государства» [1], в Павлодаре, на родине исследователя (ныне это Казахстан), изданы «Избранные сочинения» в 3 томах [2], но основные работы выдающегося сибиреведа по этнографии и фольклористике нынешнему широкому читателю недоступны. Это негативно сказывается на развитии регионоведения, под которым надо понимать региональное культурно-историческое самосознание. Откуда же оно возьмётся, если не только студенты, но зачастую и преподаватели не знают наследия сибиреведа-классика? К тому же редакторский уровень выше названных изданий не высок: десятки ошибок и опечаток в 5-томном издании «Писем», субъективный отбор материала в 3-томном «Избранном» издания Павлодарского университета: это преимущественно фрагменты работ, касающиеся казахов.

Заметным шагом вперёд обещает быть «Потанинская энциклопедия», работа над которой продолжается около 10 лет. Участвуют в ней как сибиряки, так и москвичи. Эта частная энциклопедия потребовала усилий специалистов разных областей и помогла осознать универсальность интересов и познаний «почётного гражданина Сибири». Для научного комментирования полного собрания трудов Потанина (предварительный подсчёт показывает, что полное собрание его очерков путешествий, исследовательских работ и литературно-публицистических сочинений составит больше 20 томов) необходимо привлечь специалистов из разных областей знания – нужны

историки (сибиреведы и востоковеды), ботаники, климатологи, лингвисты, географы, этнографы и фольклористы. По мнению А.М. Сагалаева и В.М. Крюкова, «жизнь и творчество Потанина – яркий пример универсализма былых времён» [3]. В самом деле, современного специалиста такая универсальность познаний ошеломляет, ставит в тупик. Именно поэтому научное наследие Потанина рассматривают «в розницу». Одну из первых книг о Потанине-путешественнике издал геолог В.А. Обручев, в молодости участвовавший в его экспедициях [4], он же переиздал избранные очерки путешествия Г.Н. Потанина [5], поместив в одну книгу «Очерки северо-западной Монголии СПб., 1881–1883) и сочинение: «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» [6].

Первым делом перед редактором-составителем встаёт вопрос о принципах отбора текстов: что считать самым важным и актуальным в наследии Потанина. Если идти путём отсеечения устаревшего, то мы должны признать: за полтора столетия успехи «землеведения» (географии, геологии, ботаники) отодвинули в прошлое некоторые наблюдения нашего земляка, сильно изменилась политическая карта: Монголия была провинцией Китайской империи, а теперь – независимое государство, напротив, независимый Тибет стал частью Китая. Наиболее интересны здесь, и в научном смысле, и в литературном, этнографические описания и фольклорные материалы. Этот материал устареть не может.

Как ни странно, наименее изученными остаются труды Потанина в области фольклористики. Только казахскому фольклору, как отметили составители трёхтомного собрания сочинений Потанина, исследователь-сибиряк посвятил около полутора тысяч страниц и опубликовал 220 текстов. Позднее, во время экспедиций в Монголию, Китай и Тибет, он собрал обширный материал по «ордынскому» эпосу – ещё около 300 произведений. Некоторые тексты были опубликованы отдельными книгами: «Тибетские сказки и предания» (1912) или отдельными оттисками (извлечения из журналов): «Монгольское сказание о Гэсэрхане: По вопросу о происхождении русских былин» (СПб., 1880), «Несколько вопросов по сравнительному изучению животного и мифического эпоса у народов севера Сибири» (СПб., 1880), «Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у сибирских инородцев» (СПб., 1881), «Русская девица Дарига в киргизской сказке» (М., 1890), «От-

голоски сказки об Еруслане» (М., 1901), «К сказке о Марке Богатом» (Казань, 1895), «Святой Касьян и сказка о больной царевне» (М., 1902). Эти отдельные оттиски (удваивающие тираж журнала), показывают, что автор придавал им серьёзное значение. Впрочем, здесь были, очевидно, и моменты случайности. Так, большие работы «Громовник по поверьям и сказаниям племён южной Сибири» (1882) и «Сказка с двенадцатью персонажами» (в четырёх частях, печатавшаяся весь 1903 г. в «Этнографическом обозрении») отдельными изданиями не вышли. Но по концептуальности своей они, без сомнения, должны быть включены в «Избранное».

Кроме того, отдельными брошюрами были сразу изданы его статьи: «Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении», «Материалы к истории Сибири», «О происхождении географического имени Сибирь», «Областная тенденция в Сибири», «Монгольский Алтай между Булугуном и Барлыком», «Круговое движение ночного неба и грозное явление в монгольских преданиях, иконописи и пластике». Самые же крупные книги, обобщившие размышления Г.Н. Потанина о фольклоре, – «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М., 1899), «Сага о Соломоне» (Томск, 1912), «Ерке. Культ сына неба в Северной Азии» (Томск, 1916). Они должны быть переизданы полностью (в павлодарском трёхтомнике – лишь отрывки, по одной-две главы, из них). А вот книги путешествий полностью переиздать не представляется возможным: «Очерки Северо-Западной Монголии» и «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» вместе составят 6 томов. Отсюда надо извлечь «Материалы этнографические». Это 2-й и 4-й выпуски «Очерков» о Монголии и 2-й том «Тангутско-тибетской окраины Китая...». И отдельные главы можно воспроизвести без больших смысловых потерь: они представляют собой завершённые путевые очерки («Ордос», «Гумбум» и т. п.).

В советской историографии утвердилось мнение, что Потанин исходил из «реакционной» исторической перспективы. Даже либерально мыслящий М.К. Азадовский, признавший заслуги Потанина в собирательстве, писал в «Истории русской фольклористики» о «методологической нечёткости» его статей и книг [7. С. 279]. В своей «Русской фольклористике Сибири» Я.Р. Кошелев отнёс сибиреведа-позитивиста к представителям «идеалистической эстетики». Я.Р. Кошелев ценит в работах Потанина только систематизацию

«громадной массы фактического материала» и утверждает, что потанинская концепция не оказала позитивного влияния на исследователей [8]. Его учениками называли себя Д. Клеменц, А. Адрианов, бурятский этнограф М. Хангалов и собиратель фольклора алтайцев Н. Никифоров, писатели Г. Гребенщиков и В. Шишков, также записывавшие фольклор русских сибиряков. Став секретарём восточно-сибирского отдела Русского географического общества, Потанин всячески стимулировал собирание сибирских сказок и песен, пытался создать кружки собирателей при гимназиях.

Цикл статей посвятил он сравнительно-историческому изучению сказок: предисловия к сборникам «Русские сказки и песни Сибири и другие материалы» (1902), «Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губернии» (1906), отзыв на сборник «Русские сказки в Сибири, записанные от В.А. Палкина» (1902); параллели с русскими фольклором есть в статьях «Тибетские сказки и предания» (1912), «Козика и Баян-Сылу. Телеутская сказка» (1915), «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (1916).

Вопросы и возражения может вызвать состав первого тома «Сказания Востока и Запада», включающего статьи из журналов. Том необходимо разделить на три части: 1-я – о русских сказках, 2-я – «ордынский» фольклор в сопоставлении со сказаниями Руси и Западной Европы, 3-я – «Мелкие фольклористические заметки» (их Потанин периодически публиковал в «Этнографическом обозрении»). Содержание 1-го раздела: «О необходимости собирания сказок (По поводу нового издания «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева) (Образование. 1898. № 1), «Восточные параллели к некоторым русским сказкам» (Этнографическое обозрение. 1892. № 3), «Громовник по поверьям и сказаниям племён южной Сибири и северной Монголии» (Журнал министерства народного просвещения. 1882. № 1, 2), «Греческий эпос и ордынский фольклор» (Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 11), «По поводу новых привлечений к былинне о Добрыне» (Там же. 1894. № 3), «Отголоски сказки об Еруслане» (Там же. 1900. № 3–4), «Сказка с двенадцатью персонажами» (Там же. 1903. № 1–4). Особенно интересны статьи «Восточные параллели к некоторым русским сказкам» и «Греческий эпос и ордынский фольклор». В последней он отметил: «Нахождение в русском былинном эпосе одних и тех же сходных тем, с одной стороны, с греческим эпосом, с другой – со степным, найдёт прими-

рение в обобщении греческого эпоса со степным»; «если Гэсэр соответствует Одиссею, Алма-моргон нимфе Калипсо, то три сестры будут соответствовать Эрмию» (Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 11. С. 32).

2-й раздел: «Монгольское сказание о Гэсэрхане: По вопросу о происхождении русских былин» (Вестник Европы. 1880. № 9), «Бого-Гэсэр и славянская повесть о Вавилонском царстве» (Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 11), «Восточные основы русского былинного эпоса» (Вестник Европы. 1896. Т. 2, № 3), «Персонаж Наран-Гэрэл – Луч солнца – в степных сказаниях» (Этнографическое обозрение. 1892. № 4), «Восточно-ордынские параллели к кельтскому роману о чаше святого Грааля» (Там же. 1896. № 2–3), «Тюркская сказка об Идыге» (Живая старина. 1897. Вып. 3–4), «Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки» (Там же. 1916. Т. 25, вып. 2–3), «Ерке. Культ сына неба в северной Азии – материалы к тюрко-монгольской мифологии» (Томск, 1916).

3-й раздел: «Русская девица Дарига в киргизской сказке» (Этнографическое обозрение. 1890. № 4), «Ставр Гоудинович и Гэсэр» (Там же. 1891. № 3), «Змей Горыныч и Тугарин Змеевич» (Там же. 1894. № 3), «Акирь повести и Акирь легенды» (Там же. 1895. № 2), «К сказке о Марке Богатом» (Изв. Общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. 1895. Т. 13, вып. 2), «Саур Ванидович» (Этнографическое обозрение. 1895. № 4), «Арья-Бало, Аполлоний, Аполинария, Аполлонище» (Там же. 1896. № 4), «Повесть о Басарге» (Там же. 1893. № 2), «Святой Касьян и сказка о больной царевне» (Там же. 1902. № 2). Собранные вместе, эти статьи дают цельное представление о Потанине-фольклористе. Основные заслуги русской фольклористики он сводил к изучению героического эпоса, но пришёл к выводу, что «записывание былин завершилось». Русские былины привлекли его внимание лишь в связи с эпосом тюрко-монгольским, который он считал наиболее древним из сохранившихся в живом исполнении.

В статье «О необходимости собирания сказок» он упрекнул сибирских фольклористов в узости кругозора: «Тут ещё немало сохранилось в народной памяти образов, которые ещё не попали в печать, но могут попасть, если учёные общества и частные собиратели приложат усердие в собирании их» (Образование. 1898. № 1. С. 109). Эта статья имеет характер теоретического введения. Отметив заслу-

ги А. Афанасьева (статья написана как отклик на переиздание сказок), Потанин констатировал малую продуктивность фольклористов следующего поколения. На его взгляд, здесь нужны массовые усилия: записывать произведения могли бы общества любителей народной словесности. Здесь же исследователь-сибиряк сказал и о неразвитости сравнительно-исторических штудий: «Мы не имеем списка сказочных типов, известных нашему народу, мы не знаем, имеем ли такие сюжеты, которые известны только одному нашему народу; не знаем, какие сюжеты у нас общие с западными нашими соседями, какие с восточными; с которыми соседями у нас родство, богаче ли мы соседей сказками или беднее» (Там же).

Состав второго тома, посвящённого фольклористике, вряд ли вызовет споры: Это книги «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М., 1899) и «Сага о Соломоне» (Томск, 1912). Затруднение здесь – в необходимости разместить текст двух больших книг в одном томе («Восточные мотивы...» – 893 с., «Сага о Соломоне» – 186 с.). Придётся исключить сноски, уже приведённые в 1-м томе. Потанин пришёл к выводу, что древнейший пласт центрально-азиатского эпоса связан с образом Гэсэра: в нём очевидна тотемная основа. Широко распространённые легенды о Карле и Чингисхане он толкует как производные, варьирующие ранее сложившиеся мотивы: брошенного в лесу или степи младенца находят случайные спасители, гонимый царевич восстанавливает свои права, отвоёвывает похищенную жену, к нему благоволит Небо. Это спорное положение, и на этом пути Потанин высказал слишком смелые допущения: «Имя Чолмон или Цолмон было на Западе принято за библейское Соломон, и таким образом Соломон явился облачённым гэсэровскими мотивами» («Восточные мотивы...»). Здесь надо заметить, что обе эти книги написаны в полемике с А.Н. Веселовским. В сущности, «Сага о Соломоне» – возражение против известной книги Веселовского «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине» (1872). «Восточная» гипотеза направлена против европоцентристской теории лидера сравнительно-исторической школы: «Мы имеем в русском эпосе цельный организм, перенесённый с отдалённой родины»; «Ближайшая наша задача состоит в определении того легендарного достояния, с которым должны были приходиться в южную Россию пришельцы из Азии» («Восточные основы русского былинного эпоса»). Увлечённость

кочевниками степи приводила его к выводам, не поддающимся проверке: так, в истоке евангельского сюжета он увидел «центрально-азиатскую шаманскую легенду». Хотя «монгололоцентристская» гипотеза не нашла поддержки у фольклористов, она, как отметил М.К. Азадовский, вызвала длительную научную полемику. Исходная идея обобщающих книг Потанина – мысль о едином источнике, к которому восходят эпические песни и сказания Евразии («идея о единстве средневекового, западного и восточно-ордынского эпоса»).

Историко-этнографические аспекты фольклора Потанина интересовали больше, чем эстетические. Он несомненный сторонник доминировавшего в его время этнографического подхода, хотя его волновали и проблемы нарождавшейся этнопоэтики. Учёный высказал также догадку о возможном влиянии с Запада в глубокой древности: «Не индо-скифы ли занесли в северную Индию легенду об Асоке, параллели к которой находятся в монгольских сказаниях об отце Чингиса Есугае? а также и имена, напоминающие монгольского Гэсэр-хана?» («Восточные мотивы...»). По его убеждению, «темы эпоса идут из первобытности», возникли задолго до принятия христианства славянами. В противоположность марксистам, Потанин не признавал нерелигиозных форм древнего искусства.

Следующий том («Очерки путешествий. Этнография») должен быть посвящён проблемам этнографии. Первая часть – очерки путешествий. Это не только две большие книги, но и статьи разного объёма: «Полгода в Алтае», «Путешествие от Иртыша до озера Маркакуль и горы Сар-тау», «Зимняя поездка на озеро Зайсан», «На притоке реки Токрау», «Монгольский Алтай между Булугуном и Барлыком». Основные же тексты первой части – «Очерки северо-западной Монголии» (выпуски 2-й и 4-й) и «Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (том 2). Часть 2 – статьи по этнографии: «Население Алтая», «О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии», «Несколько вопросов по изучению поверий, сказаний, суеверных обычаев и обрядов у киргизов и сибирских татар», «Шаманизм у енисейских остяков», «О происхождении географического имени Сибирь», примечания к Балаганскому и Аносскому сборникам. И наконец, брошюра «Круговое движение ночного неба и грозное явление в монгольских преданиях, иконописи и пластике».

Предположение о посредничестве монголов в передаче сюжетов из Индии в Европу высказал ещё Т. Бенфей, основатель миграционной теории (школы заимствования). Высказанную им гипотезу о приходе сюжетных схем богатырских поэм на север вместе с буддизмом (из Индии через Тибет в Монголию) Потанин отклонил: «...до буддизма в Центральной Азии был культ Арья-Бало, который распространялся на запад не только до южной России, но и до отдаленного кельтского Запада». Потанин исходил из принципа природно-климатического детерминизма. Монголия – регион исключительной племенной устойчивости, поэтому здесь «раз созданные легенды в течение длинного ряда столетий сохраняют в целостности свою первоначальную редакцию».

Следующий том (они должны печататься без нумерации) – «Воспоминания», которые «большой сибирский дедушка» печатал в конце своей жизни в газете «Сибирская жизнь». «Воспоминания» (с купюрами) напечатаны Н. Яновским в «Литературном наследии Сибири», отдельной книгой они не издавались. Полемики в этой области не было, вряд ли она возможна и сейчас. Но здесь нужен подробный комментарий (составление тома и комментарии Н.В. Серебренникова).

И наконец, сибиреведческие статьи и областническая публицистика Потанина – содержание отдельного тома. Эта часть его наследия, наиболее известная, также не издавалась отдельной книгой. Здесь должны быть собраны проблемные статьи, характерные для Потанина, создателя курса «родиноведения». В этом томе необходимо разместить статьи Потанина о сибирской литературе. Составление тома и комментарии Н.В. Серебренникова.

Итак, исходная трудность здесь – научное обоснование отбора текстов. Дискуссия о вкладе Потанина в науку не закончена, недавно она получила новые импульсы. Изданы новые книги: Серебренников Н.В. Опыт формирования областнической литературы. Томск, 2000; Пелих Г.И. Историческая концепция Г.Н. Потанина. Томск: Изд-во ТГУ, 2006; Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке». Г.Н. Потанин: биограф. очерк. Новосибирск, 2004. Библиографию публикаций Г.Н. Потанина и прижизненных статей о нём см. в кн.: Сибирское областничество: библиогр. справ. Томск, 2001.

Видное место в фольклористике Потанин занял главным образом как знаток «ордынского эпоса». Актуальной исследовательской за-

дачей он считал восстановление «истории расселения сюжетов, совпадающей с историей культурных заимствований». Оригинальная потанинская концепция сложилась из наблюдений над тюрко-монгольским героическим эпосом. Потанин разделял основные положения миграционной теории, но, в отличие от других сторонников «школы бродячих сюжетов», не выразил резкого отталкивания от мифологической школы. Обширный материал, собранный им в Северной Азии, давал опору формирующейся компаративистике.

Трудность концептуального характера содержится и в комментариях. Главную роль в сложении раннего фольклора Потанин отводил космогоническому мифу, из которого, по его мнению, возник и религиозный дуализм, и мотивы социального раскола: «Творец не мог создать мир одной собственной силой, он должен был прибегнуть к помощи другого лица, обладающего большей вещей силой; этот помощник был его собственный сын. По созданию мира между отцом и сыном произошёл спор из-за обладания миром». Таким образом, древний мотив борьбы отца с сыном исследователь толкует как начало разделения властей и спора людей о вере. Сын Неба, по наблюдению Потанина, предстаёт двойко – «в благом и суровом виде». В первом варианте он, «из дружелюбия к человеку, бунтует и против установленного творцом порядка, против установленной смертности человека», в другом он, «униженный творцом, питая злобу против него, хочет отомстить ему разрушением творения» («Ерке»).

К настоящему времени закончено составление трёх томов – работы по этнографии и фольклористике и «Воспоминания». Можно надеяться, что это издание даст стимул для конференций разного уровня, для развития школьного и вузовского краеведения. Разностороннее изучение наследия Потанина позволяет видеть в нём основателя сибирской школы в фольклористике и этнографии.

Литература

1. «Дело об отделении Сибири от Российского государства». Томск, 2005.
2. Потанин Г.Н. Избранные сочинения: в 3 т. Павлодар, 2005.
3. Сагалаев А.М., Крюков В.М. Г.Н. Потанин: Опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991.
4. Потанин Г.Н. Путешествия по Монголии / науч. ред., вступ. ст. и коммент. акад. В.А. Обручева. М., 1948.
5. Обручев В.А. Григорий Николаевич Потанин: Люди русской науки. М., 1962.

6. *Очерки северо-западной Монголии: Результаты путешествия, исполненного по поручению Русского географического общества Г.Н. Потаниным.* СПб., 1881–1883; *Тангутско-тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. Путешествие Г.Н. Потанина 1884–1886 гг.* Т. 1, 2. СПб., 1893.

7. *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2.

8. *Кошелев Я. Р.* Русская фольклористика Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та 1962.